

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Становление и развитие арабографичной рукописной книги в Средней Азии и в Восточном Туркестане связаны с принятием ислама населением этих территорий и распространением там арабского алфавита и арабского языка. Для обозначения понятия «книга», «сочинение» и вообще «исписанные бумажные листы» одинакового размера, собранные под одним переплетом, употреблялось арабское слово *китаб*. Кроме этого главного языкового знака книги в значении «письмо», «писание», «грамота», а также «книга», «сочинение» и т. п. использовалось заимствованное из персидского языка слово *наме*. При этом употребление слова *наме* в указанных значениях имело свои особенности: оно, во-первых, в сочетании с другими словами обычно служило для обозначения документов деловой письменности, т. е. книг, имевших практическое назначение, как, например, «Васийат-наме» («Завещательный акт»), «Вакалат-наме» («Доверенность») и т. д.; во-вторых, оно часто использовалось как определяемая составная часть в названиях книг, например «Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы»), «Фатх-наме» («Реляция о победе»), «Фиркат-наме» («Поэма о разлуке») и т. п.

Полного представления об объеме созданных в Средней Азии и Восточном Туркестане рукописных книг нет и по сегодняшний день. В одном только собрании восточных рукописей Института востоковедения АН УзССР, например, насчитывается более 16 тыс. мусульманских рукописей [Ахмедов, 1979, с. 12]. «Общее число заключающихся в них самостоятельных произведений, в основном на арабском, таджикском, персидском и узбекском языках, около 80 000» [Азимджанова, 1954, с. 149]. Значительная их часть создана в Средней Азии и Восточном Туркестане. Богатыми фондами арабографичных рукописей обладают, как известно, другие книгохранилища Ташкента, а также соседних среднеазиатских республик. Среди
478 рукописных книг, ныне хранящихся в библиотеках Ленин-

града, Казани, Москвы, в востоковедных центрах других стран, немало рукописей, написанных и оформленных в Средней Азии или Восточном Туркестане. Так что общее число всех рукописных книг, созданных на территории Средней Азии и Восточного Туркестана в эпоху средневековья, по всей вероятности, составляет много десятков тысяч произведений, что, несомненно, свидетельствует о значительном развитии книжного дела в среднеазиатских ханствах и широком распространении там книги. Поскольку сохранность литературных произведений всецело зависит от общей книжной культуры общества, то, следовательно, как само количество дошедших до нас рукописей в целом, так и наличие, в частности, среди них немалого числа книг, созданных много столетий тому назад, свидетельствуют о бережном отношении людей той эпохи к рукописной книге и ее высокому престижу в тогдашнем обществе.

Состав дошедших до нас рукописных книг разнообразен. Здесь книги, содержащие исторические, географические, биографические, литературные, естественнонаучные, религиозные, поэтические и иные тексты; здесь трактаты по математике, логике, этике и музыке, многочисленные комментарии, календари, а также акты, грамоты и письма дипломатического, административного, юридического, экономического характера; здесь и оригинальные сочинения и переводы, компилятивные труды и мемуарная литература.

Следует, однако, отметить, что указанные выше литературные жанры, формы, типы и пр. не всегда представлены в чистом виде. Для средневековой литературы Востока, в особенности для так называемых «научных трудов», были характерны синкретичность, слабая дифференцированность видов, жанров, форм: соединение в одном сочинении материала, относящегося к различным видам литературы и отраслям знания, а также к разным формам и жанрам внутри одного вида, было обычным явлением в писательских кругах [Стори, 1972, ч. 1, с. 22—23]. Сказанное не означает, разумеется, что в странах средневекового мусульманского Востока не существовало классификации наук. Напротив, мусульманские ученые не только выделяли отдельные отрасли знания, но ими были выработаны многочисленные научные и технические термины для обозначения различных отделов, подразделений средневековой науки и даже разных форм внутри одного вида [Бартольд, 1966 (I), с. 162]. Здесь можно сослаться, в частности, на термины *та'лиф* и *тасниф*; первый термин служил для обозначения оригинального научного или литературного труда, а вторым обычно называлось компилятивное сочинение [ср.: Семенов, 1927, с. 49]. Так что известная трудность классификации 479

средневековых письменных памятников по жанрам, видам, типам и пр. связана не с отсутствием в тогдашнем обществе этих категорий, а с присущей многим сочинениям многоплановостью, с тем, что в сборнике анекдотов, например, можно наткнуться на обрывки хроник, в династийной истории — на житийные легенды, в географическом сочинении — на лингвистический материал, а в правоучительном трактате — на географический раздел и т. д. [Бартольд, 1963, с. 99; Бартольд, 1973 (I), с. 98—102; Салахетдинова, 1964, с. 182—183; Стори, 1972, ч. 1, с. 23]. При этом разделы эти часто неравноценны по своему значению для той или иной отрасли знания.

Развитие различных отраслей наук шло неравномерно. Эта диспропорция до некоторой степени объясняется традициями развития науки в странах мусульманского Востока. Большинство отраслей науки в условиях того времени могло развиваться только при дворе. Развитие отдельных дисциплин, имевших, в частности, практическое значение, как, например, математика (в интересах правильного счетоводства), астрономия (в связи с астрологическими верованиями) и медицина (в целях лечебной практики), зависело не только от наличия культурной среды, но главным образом от личных склонностей каждого из восточных властителей — покровителей ученых и литераторов.

Судя по тому, что нам известно, постоянного внимания при дворе удостаивались особенно поэзия и история, т. е. те литературные жанры и отрасли знания, которые наиболее полно отвечали честолюбивым замыслам покровителя — увековечению своего имени и деяний в памяти поколений. При этом поэзия была наиболее популярна, и литераторы, подавляющее большинство которых материально всецело зависели от правящих кругов, связывали с занятием поэзией свои «материальные блага». Интересен в этом отношении пример с Абу-л-Фазлом б. Мухаммадом, известным под прозвищем Джемал Карши. Уроженец Баласагуна, он в 1264 г., будучи молодым человеком, должен был удалиться по неизвестной причине в Кашгар. Там Джемал Карши был представлен местному *садру* (глава духовенства и гражданской администрации), который обсуждал вместе с ним вопрос, каким делом ему лучше всего заняться на новом месте, и подробно разбирал выгодные и невыгодные стороны каждого занятия. Наконец, садр решил, что гостю лучше всего заняться поэзией и что это занятие принесет ему как нравственное удовлетворение, так и материальные блага [Бартольд, 1973 (I), с. 101]. Судя по мемуарам Васифи, «материальные блага», связываемые с занятием поэзией, выражались обычно в деньгах и подарках, которые получал поэт

от высокопоставленных лиц за понравившиеся им стихи [Болдырев, 1940, с. 223, 224, 227, 232, 240, 242, 259]; иногда поэтам жаловалась должность, например *даруги* (градоначальник), *мухтасиб* (базарный надзиратель) и т. п. [Болдырев, 1940, с. 253, 262]. По сведениям историка XVI в. Шараф-хана Бидлиси, во времена правления Султан-Хусейна (1469—1506) в его столице, городе Герате, «было 12 тысяч учащихся, поэтов, писцов и людей других профессий — все они получали содержание за счет эмиров, везиров и государя» [Шараф-хан, 1976, с. 148]. Здесь же отметим, что отдельные выдающиеся поэты, приобретшие широкую популярность на мусульманском Востоке, получали также содержание и от государей иностранных мусульманских держав. Так, например, турецкий султан Байазид II (1481—1512) «ежегодно посылал в Бухару сумму в 10 тысяч серебряных дирхемов для его чести Маулана Абдаррахмана Джами и руководителей [ордена] Накшбанди» [Шараф-хан, 1976, с. 160].

В отношении языка среднеазиатские и восточнотуркестанские рукописные книги неоднородны. Дошедшие до нас письменные памятники написаны на трех языках — арабском, персидском и тюркском. Судьбы этих языков различны. До начала IX в. арабский язык оставался языком почти всей существовавшей тогда мусульманской литературы на всем протяжении мусульманских владений, включая и Среднюю Азию, где вместе с исламизацией населения распространился и арабский язык. С IX в. начинает появляться литература на новоперсидском языке; затем персидский язык постепенно становится литературным языком почти всей восточной части мусульманского мира. Наиболее ранние из ныне известных памятников арабографичной литературы на тюркском языке относятся к XI в.; в частности, в 462/1069-70 г. поэтом Йусуфом Баласагунским была написана для кашгарского хана дидактическая поэма на тюркском языке под тюркским названием «Кутадгу билиг» («Знание, делающее счастливым»). Для темпов и масштаба развития арабографичной литературы на тюркском языке показательно, что уже в XIII в. мы встречаемся с понятием о трех литературных языках мусульманского мира — арабском, персидском и тюркском [Бартольд, 1966 (III), с. 384]. При этом за арабской литературой признавалось преимущество более совершенной формы, за персидской — преимущество большей глубины мысли; возникающая позднее тюркская литература в том и другом отношении находилась в зависимости от двух первых, но привлекала к себе большей искренностью вследствие большей простоты слога и большей близости к жизни [Бартольд, 1966 (I), с. 195, 245].

Ни один из названных языков не вытеснил полностью какой-либо другой. Но их использование в культурной жизни Средней Азии и Восточного Туркестана имело свои особенности. Арабский язык сохранял свое значение для литературы некоторое время и после IX в.: в частности, на этом языке написаны труды таких выдающихся ученых, уроженцев Средней Азии и Восточного Туркестана, как ал-Фараби (X в.), Ибн Сина (X—XI в.), Бируни (X—XI в.), Махмуд Кашгарский (XI в.) и др. С изменением политической обстановки в Средней Азии менялась также языковая ориентация, и арабский язык стал терять на этой территории свои позиции. Постепенно он сделался там по преимуществу языком богословской литературы и богослужения; удельный вес научной и поэтической литературы, созданной в Средней Азии и Восточном Туркестане в эпоху позднего средневековья на арабском, незначителен. Вместо арабского большой культурный приоритет приобрел персидский язык, и в двух из трех среднеазиатских ханств — Бухарском и Кокандском — до новейшего времени он был языком государственного делопроизводства и культуры. Культура Кашгарии также испытала влияние персидской, и два самых известных исторических сочинения из Восточного Туркестана — «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара Дуглата (XVI в.) и «Хроника» Чураса (XVII в.) — написаны на персидско-таджикском языке.

Хотя начиная с XI в. развитие арабографичной литературы на тюркском языке и было непрерывным, но до XVI в. он оставался по преимуществу языком поэзии. Возникновение значительной по числу произведений местной прозаической литературы на среднеазиатском «тюрки», называемом в научной литературе «чагатайским языком», относится к XVI в. Параллельно с оригинальной тюркской литературой интенсивное развитие получила в это время также и переводная литература. О масштабах переводческой деятельности, развернувшейся в Средней Азии, можно судить по следующим фактам. Только в первой половине XVI в. с арабского и персидского языков были переведены на среднеазиатский «тюрки» «Тарих-и Табари» Балами, «Тарих-и Газани» Рашид ад-Дина, «Зафар-наме» Йезди, а также «Калила ва Димна», «Аджаиб ал-махлукат», «Дурр ал-маджалис», «Мифтах ал-джанат», «Мифтах ал-кулуб» и по указанию Шейбани-хана начата работа по переводу «Шах-наме» Фирдоуси [Бартольд, 1973 (IV), с. 193; Köprülü, 1945, с. 309]. Показательно при этом, что необходимость переводов сами переводчики связывают с тем обстоятельством, что арабский и персидский языки перестали быть понятны большинству населения в тюркских регионах [Султанов, 1978,

с. 141—146]. Вот пример такой мотивировки. «Во времена Султан-Хусейна, — уверяет нас переводчик Фигани в предисловии к переводу „Калила ва Димна“, — большое распространение получил персидский язык. После того как Убайдуллах-хан воссел на трон Мавераннахра, большая часть улуса стала придавать значение тюркскому языку. В особенности ханы, султаны и эмиры, все они говорили по-тюркски; большинство их не умело говорить по-персидски. Из них старший эмир Канбар, который был сыном старшего эмира Купека Кушчи из племени кушчи, группы карачинов, повелел этому неимущему бедняку Фигани перевести настоящую книгу на тюрки. „Пусть все тюрки извлекут из этого пользу“, — сказал он» [Ippan, 1976, с. 497].

В дальнейшем эти успехи не были, однако, развиты. Во всяком случае, тюркский язык был принят как язык государственного делопроизводства и литературы только в одном из трех среднеазиатских ханств — Хивинском. Значительное развитие мусульманской прозаической литературы на тюркском языке — как оригинальной, так и переводной — в Восточном Туркестане относится по времени к XVIII в.

В рассматриваемую нами эпоху в Средней Азии и Восточном Туркестане наряду с арабским алфавитом был распространен также уйгурский [Sertkaya, 1977, с. 8, 17, 18, 23]. В этой работе мы не касаемся вопросов, связанных с рукописями на уйгурском языке и уйгурским письмом. Это самостоятельная тема, особенно важная при изучении истории культуры Восточного Туркестана, и она представляется весьма серьезной, чтобы рассматривать ее попутно. Для нашей задачи достаточно отметить некоторые ее детали, касающиеся Средней Азии.

Считается установленным, что при дворе среднеазиатских властителей вплоть до самого начала XVI в. находились уйгурские писцы, в которых прилагался особый термин *бахши*. Как полагает В. В. Бартольд, «по-видимому, эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках» [Бартольд, 1963, с. 99—100]. В частности, «уйгурскими бахшиями по-уйгурски и уйгурским письмом» была составлена стихотворная хроника походов Тимура под названием «Тарих-и хани», которой в качестве источника воспользовались автор «Зафар-наме» Йезди (XV в.) и сочинитель «Зубдат ал-асар» Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насраллахи (XVI в.) [Бартольд, 1963, с. 101—102; Бартольд, 1973 (IV), с. 131]. В научной литературе отмечены также факты употребления уйгурского алфавита в Средней Азии в эпоху Тимуридов при составлении канцелярских доку- 483

ментов [Бартольд, 1973 (III), с. 117—118; Мелиоранский, 1906, с. 01—012] и при переписке с иностранными государями. Примером последнего может служить письмо Тимурида Абу Саида (1451—1469) Узун-Хасану от 10 октября 1468 г. Это письмо, ныне хранящееся в библиотеке Музея Топкапы в Стамбуле, было издано в оригинале с транскрипцией и историко-филологическими комментариями А. Н. Куратом в 1940 г. [Kurat, 1940, с. 119—134, 195—200].

От общих положений перейдем теперь к рассмотрению истории рукописной книги, под которой следует подразумевать технику создания книги, ее распространение и бытование в среде читателей.

Дошедшие до нас позднесредневековые арабографичные рукописи среднеазиатского и восточнотуркестанского происхождения написаны на бумаге. Для обозначения бумаги употреблялось слово *кагаз*. Главным местом приготовления бумаги в Средней Азии начиная с VIII в. был Самарканд [Бартольд, 1963, с. 296; Бартольд, 1973 (VII), с. 353; Зотов, 1954, с. 158]. Другими крупными центрами бумажного производства были Бухара, а начиная со времени существования узбекских ханств г. Коканд, вернее, селения Когозгар и Чорку, находившиеся близ Коканда. В крупных центрах при производстве бумаги обычно использовались водяные мельницы. Вот что сообщает по этому поводу Бабур: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда, — пишет он в своих „Записках“, — вся вода для бумажных мельниц приходит с Кан-и Гила. Кан-и Гил находится на берегах Сиях-Аби, этот ручей называют также Аб-и Рахмат» [Бабур-наме, 1958, с. 62]. Дальше он уточняет, что «воды там будет на семь-восемь мельниц». «Бумажные мельницы» имелись также в Герате [Бабур-наме, 1958, с. 223]. Производство писчей бумаги кустарным способом было распространено во многих районах Средней Азии [Григорьев, 1940; Мукминова, 1964].

Писчая бумага производилась нескольких сортов, но самым распространенным был *кагаз-и нимкатани*. Основным сырьем для приготовления бумаги служили волокна конопли. Процесс изготовления бумаги был трудоемким и требовал больших затрат времени и физических сил. Сырье сначала толкли в толчее, приводимой в движение водой; измельченную массу промывали, отжимали и добавляли туда в определенных пропорциях поташ и известь. Затем смесь снова перемешивали, вновь сушили и толкли. Такая операция повторялась несколько раз. После того как процесс приготовления массы заканчивался, начинался отлив бумажных листов. Форма для отлива бумаги

484 состояла из решетки и сетки. Решетка делалась из тутового

дерева, а сетка формы состояла из тонких стеблей чия, уложенных параллельно и перевязанных конским волосом. При отливе листа сетка накладывалась на решетку и погружалась в массу. Высушенные листы бумаги снимали и обрезали специальным ножом. Для придания глянца бумагу покрывали с обеих сторон крахмальным клейстером из пшеничной муки. После просушки обе стороны каждого листа ложили особой раковинной на доске из грушевого дерева [Зотов, 1954, с. 161, 163].

Бумага для рукописей окрашивалась в разные цвета и тона. Рецепты окраски писчей бумаги были разнообразны и часто сложны [Семенов, 1951, с. 94—96; Семенов, 1946, с. 157—158; Костыгова, 1957, с. 131, 133]. Однако цветная бумага использовалась, как правило, для художественно оформленных рукописей. Обычные рукописи писались главным образом на плотной сероватого оттенка бумаге типа *кагаз-и нимкатани*. При этом почти все рукописи написаны на бумаге восточного, т. е. в данном случае местного производства. Число рукописей среднеазиатского и восточнотуркестанского происхождения, изготовленных на бумаге европейского производства, невелико, по времени они относятся в основном к XIX—началу XX в. Между тем первое проникновение европейской бумаги, например, в Турцию относится к концу XIV в. [Ünver, 1962, с. 739], причем число турецких рукописей, написанных на европейской бумаге, особенно возрастает уже в XVII столетии.

Орудием письма служил *калам* — тростниковое перо. Изготовление калама требовало определенных навыков и опыта. Отобранный для калама тростник, в Средней Азии обычно камыш, оставляли погруженным в воду до тех пор, пока он не приобретал темно-коричневый цвет. После предварительной обработки тростник разрезали и на месте узла специальным перочинным ножом (*каламтераиш*) делали заточки и расщеп. При этом рекомендовалось правую сторону расщепка камыша, называемую *унси*, делать немного тоньше левой части расщепка, которая называлась *ваши*. Для обрезки тростника использовалась особая костяная или роговая подставка — *найкат* или *каламкат*. Для художественного каллиграфического письма способ очинки пера и безукоризненность ее исполнения имели особо важное значение. По изготовлении калама его протирали землей для того, чтобы очистить от жира, и пробовали его на письме: если точка от калама получалась правильной формы, он считался годным для письма [Семенов, 1946, с. 160; Костыгова, 1957, с. 129, 135, 137, 139].

Среднеазиатские писцы и литераторы обычно писали тушью и чернилами. Тушь приготавливалась из саж и вишневой камеди, а чернила — из квасцов и чернильных орешков. Рецептúra со- 485

ставления особо стойких черных и цветных чернил для каллиграфии была довольно сложна и включала в свой состав множество компонентов, например сажу, раствор гуммиарабика, чернильный орешек, пережженный купорос, жидкую хну, жидкую басму, цикорную водку и т. п. [Семенов, 1946, с. 159—160; Семенов, 1951, с. 92—94]. По словам А. А. Семенова, «хорошие чернила до самого последнего времени составлялись кропотливо и тщательно, и в Бухаре, например, были немногие специальные мастера чернил, изготовлявшие их по одним лишь им известным рецептам» [Семенов, 1946, с. 160]. При исполнении художественной рукописи в чернила, в известной пропорции, добавлялись разные ароматические вещества — от розовой воды особо сильной концентрации до амбры включительно — для того, чтобы рукопись издавала легкий, приятный запах [Семенов, 1940, с. 133].

В странах средневекового мусульманского Востока в употреблении было множество почерков (подробно см. в очерке О. Ф. Акимускина), которые имели определенные внешние различия; существовали четкие правила их применения. Основными почерковыми стилями, бывшими в ходу в Средней Азии до XV в., являлись *наسخ*, *талик*, *сулс*. Остальные стили также употреблялись среднеазиатскими писцами и литераторами, но в значительно меньшей степени. В XIV в. возник новый почерк под названием *насталик*, образованный из сочетания элементов *насха*, которым обычно переписывали Коран, и из *талика* — скорописи, употреблявшейся в канцеляриях и деловой переписке. Большую роль в деле развития и широкого распространения почерка *насталик* наряду с произведениями первых мастеров *насталика*, работавших в XIV—первой половине XV в., сыграло творчество крупнейшего мастера письма Султан-Али Мешхеда (1432—1520) [Костыгова, 1954, с. 12—14]. Его перу принадлежит также специальный трактат по каллиграфии, где освещаются вопросы теории и техники письма для почеркового стиля *насталик* [Костыгова, 1957, с. 103—163]. Первоначально возникнув как почерк роскошных рукописей и кит'а, *насталик* скоро вытеснил остальные почерки и стал на Среднем Востоке господствующим почерковым стилем: почти все рукописные книги, созданные в Иране, Средней Азии, Восточном Туркестане в XV—XIX вв., независимо от их содержания, назначения и объема, написаны именно этим почерковым стилем [Образцы, 1963, с. 6].

Самое строгое требование к почерку предъявлялось, конечно, при исполнении высокохудожественной рукописи: такая рукопись, чтобы считаться безукоризненной, должна была быть написана единым художественным почерком от

первой страницы до последней. Эти рукописи обычно богато оформлялись *уванами*, заставками, миниатюрами и другими внутренними украшениями, для чего наряду с цветными чернилами и тушью использовались краска, киноварь, жидкое золото и серебро. Исполнение художественной рукописи, как правило по заказу владетельных особ и знатных лиц, требовало объединения труда мастеров трех профессий: каллиграфа, художника-миниатюриста, мастера-переплетчика. Как показали исследования последних десятилетий, в эпоху позднего средневековья в Средней Азии существовала местная оригинальная школа миниатюрной живописи [Акимущкин, Иванов, 1968, с. 130—135; Апрафи, 1974; Апрафи, 1975, с. 143—148; Иванов, 1977; Иванов, 1978; Пугаченкова, 1979; The Arts, 1979]. Произведения представителей мавераннахрской школы миниатюрной живописи, по признанию современных искусствоведов, являются ценным вкладом в культурную сокровищницу народов Средней Азии, а вместе с тем в мировую сокровищницу культуры.

Переплет, одна из важных составных частей любой книги, изготовлялся отдельно. Переплетное искусство в Средней Азии и Восточном Туркестане имеет давнюю традицию, но особого своеобразия оно достигло в XVIII—XIX вв. Среднеазиатские книжные переплеты этого периода, по словам крупнейшего знатока истории и истории культуры Туркестана А. А. Семенова, «были исключительно оригинальными, и ничего подобного им в других местах Востока не было» [см.: Чабров, 1964, с. 137—138].

Книжные переплеты среднеазиатского происхождения разнообразны по типу, форме, материалу. Здесь кожаные и картонные переплеты, переплеты из папье-маше, резного дерева (чинара) [Собрание, 1951—1975, т. 3, № 2688, с. 363], литого серебра [Собрание, 1951—1975, т. 4, № 2858, с. 48] и т. д. Однако кожаные переплеты явно преобладают. При этом различаются два вида кожаных переплетов: полный кожаный переплет, представляющий собой цельный кусок кожи, обертывающий картонные корки рукописи, и полукожаные переплеты с корешком — *мукавва*. Последний был самым распространенным типом переплета в Средней Азии. Корешки подобных переплетов делались из особым образом обработанной шкуры самца осла. Такая кожа называлась *саура* или *саера* [Чабров, 1964, с. 138]. Кожаные переплеты были разных цветов, но преобладали зеленый, красный, желтый.

Картон для переплетов обычно делался путем склеивания листов писчей бумаги. Клееный картон носил название *магзи-йи сахта*. Другой род переплетного картона назывался *магзи-йи* 487

рихта, т. е. литой картон. Такой картон делали из обрезков бумаги, всегда собиравшихся переплетчиками после обрезания переплетаемых книг. Переплеты из картона окрашивали масляной краской и покрывали лаком. Часто они украшались тиснением в виде бордюров, клейм, медальонов и т. п. [Семенов, 1946, с. 171—172; Сухарева, 1962, с. 132—133].

О высоком мастерстве среднеазиатских переплетчиков свидетельствуют их изделия, лучшие образцы которых воспроизведены в десятитомном издании «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР».

Основными центрами переплетного дела были Бухара, Самарканд, Коканд, Ташкент, Хива. Во второй половине XIX в. лучшими переплетчиками считались кокандцы [Чабров, 1964, с. 140]. Переплетчиков называли *саххаф* (*саоф*) или *мукаввасаз*. Нередко переплетным делом занимались и торговцы книгами [Сухарева, 1962, с. 132]. Начиная с XVIII в. переплеты, выполненные в Средней Азии, как правило, содержали в пальметтах и картушах имена мастеров с неизменной формулой подписи — «сделал такой-то переплетчик» [Шах-Махмуд, 1976, с. 141].

По данным краеведа Ю. О. Якубовского, во второй половине XIX в. средний по исполнению переплет оценивался «от одной до двух тенег — 15—30 копеек». Художественные переплеты «с украшениями на металлической основе» стоили «около 4 рублей» [Чабров, 1964, с. 140].

Форматы рукописных книг различны, хотя существование определенных соотношений между шириной, высотой, а иногда и толщиной книги очевидно [Булатов, Долинская, 1972, с. 172, 184]. По наблюдениям исследователей, преобладающим для Средней Азии форматом может считаться следующий: высота переплета 24—27 см, ширина 17—18 см. Ходовыми были также форматы 18×11 см [Чабров, 1964, с. 140]. Книги больших форматов (высотой 30—45 см при ширине 27—28 см) сравнительно редки.

Выше уже отмечалось, что дошедшая до нас арабиграфичная литература, созданная на арабском, иранских и тюркских языках на территории Средней Азии и Восточного Туркестана, весьма значительна по своему объему. Сохранение этого бесценного богатства было обеспечено благодаря неустанной деятельности средневековых переписчиков книг.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, социальный и профессиональный состав переписчиков книг был разнородным. При дворе хана, влиятельного султана и вельможи трудились, создавая художественные рукописи для 488 библиотек высокопоставленных особ, профессиональные ка-

тибы (писцы) и мастера-каллиграфы, артисты пера. «Так, рассказывают, — пишет, например, Шараф-хан Бидлиси о Тимуриде Мирзе Байсункаре, — что в библиотеке его чести постоянно были заняты переписыванием [книг] сорок каллиграфов» [Шараф-хан, 1976, т. 2, с. 112]. Большое число придворных каллиграфов содержал при себе и Султан-Хусейн. Вот что сообщает об этом Бабур в своих мемуарах: «Хотя каллиграфов при дворе Султан Хусейн мирзы насчитывалось много, но главою их всех в написании насталиком был Султан Али Мешхеди. Он много писал для Мирзы и для Алишер бека — каждый день по тридцать стихов для Мирзы и по двадцать стихов для Алишер бека» [Бабур-наме, 1958, с. 163].

По мнению А. А. Семенова, приводимая Бабуrom норма — пятьдесят двустийший ежедневно — «несомненно, была не мала для художника-каллиграфа» [Семенов, 1946, с. 163]. Если обстоятельства не торопили каллиграфа, то он сам, как показывает другой пример, не жалел времени, «лишь бы из-под его тростника вышло достойное внимания и удивления произведение» [Семенов, 1946, с. 154]. «„Хаджи, — спросил однажды бухарский хан Абдулазиз (1645—1680) своего придворного каллиграфа Хаджи Ядгара, который в то время был занят перепиской сборника стихов Хафиза, — сколько можно в день переписать из этого писания?“ И тот единственный в свое время ответил: „Если я постараюсь, то за день напишу десять двойных стихов“. Хан на это продекламировал следующий стихотворный отрывок: „Слышал я, что в стране (Дальнего) Востока делают в течение сорока лет одну китайскую чашку и сотни за один день делают в Багдаде. Какова их цена, ты, несомненно, представляешь!“ — „Мы, называя тебя каллиграфом, — продолжал хан, — приказали тебе (переписать) эту книгу. Если будет за день переписано десять двойных стихов, то какое может быть изящество в этом почерке?! Если хватит терпения, пиши (только) два двойных стиха, а если нет — один!“. И, подчиняясь этому приказанию, Хаджи Ядгар закончил переписку Дивана Хафиза через семь лет» [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 109—110]. Впоследствии, попав в Иран, этот список нашел там высокую оценку шаха Сулеймана [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 110].

В среде профессиональных кативов, как и в среде профессиональных литераторов, в ходу были прозвища (*лакаб*) и псевдонимы (*тахаллус*). Так, известный каллиграф эпохи Тимуридов Мухаммед-Амин носил псевдоним Халвай (Холови?) [Семенов, 1940, с. 137], а его ученик Мир Убайд — лакаб Лулу [Муродов, 1971, с. 71]. В колофоне одного из списков «Зафарнаме» Йезди (хранится в собрании ИВ АН СССР) говорится, 489

что рукопись была переписана с протографа, изготовленного в *китабхане* (библиотека) Аштарханида Абу-л-Гази Надир Мухаммад-хана (1642—1645), и что переписчиком является Фахр ад-Дин Али, известный под прозвищем «Шайх Катиб» [ср.: Миклухо-Маклай, 1975, № 406, с. 261].

Путь к каллиграфическому мастерству был долгим и тернистым. Занятие каллиграфией требовало большого напряжения и много времени. Даже известнейшие мастера пера, для того чтобы сохранять твердость и уверенность руки, должны были ежедневно специально упражняться в письме. Чтобы написать художественную рукопись безукоризненно, каждый профессиональный катиб в Средней Азии в период позднего средневековья должен был обладать двумя разновидностями почерка: рядовым мелким и крупным — и уметь красиво писать по меньшей мере тремя почерками: насхом, необходимым для цитат из Корана и для хадисов, насталиком — для рядового текста и сулсом — для заглавий разделов, глав и пр. [Семенов, 1946, с. 161—162].

Другую группу переписчиков книг составляли частные лица, просто грамотные люди, для которых переписывание рукописей не было основной профессией, но которые брались за калам по заказу или просьбе какого-либо лица, ради собственных нужд или с целью дополнительного заработка и т. п. В числе таких лиц оказывались муллы и студенты медресе [Сухарева, 1962, с. 132; Собрание, 1951—1975, т. 5, № 3563, с. 73], служащий бухарского эмира, попутно занимавшийся перепиской рукописей, и профессиональный поэт, работавший по заказу, и т. д. [Каталог, 1960, № 172, 202]. Иногда в роли переписчика выступали сами авторы литературных произведений. Так, например, кашгарский историк Хаджжи Йусуф сам снял со своего сочинения «Джам ат-таварих» три копии и разослал их разным лицам [Дмитриева и др., 1965, № 145].

Какую-то часть этой группы переписчиков книг составляли материально малообеспеченные, но грамотные люди из среднего и низшего сословий. Не имея возможности приобрести дорогостоящие книги путем заказа или купли, они сами копировали нужные им рукописи, часто делая это на недоброкачественной бумаге и сопровождая текст своими пояснениями и пометками. Во всяком случае, в каталогах и описаниях восточных рукописей зафиксировано немало случаев, когда переписчиками являлись владельцы книг [Миклухо-Маклай, 1975, № 202, 395 и др.; Каталог, 1960, № 39, 40, 279 и др.].

Списки, копированные для своих нужд переписчиками — владельцами рукописи, обычно выполнены весьма посред-
490 ственно, нередко почерком разных видов и различных размеров;

иногда они не переплетены, листы рукописи даже не сшиты, и в них, как правило, отсутствуют имя переписчика и место переписки. Другой чертой, свойственной среднеазиатским рукописям, копированным для собственных нужд переписчиками-владельцами, является то, что они носят зачастую сборный характер: под одним переплетом собраны произведения различного характера и разных авторов, сочинения или фрагменты из сочинений на разных языках (арабском, иранских и тюркских) и т. п.

То обстоятельство, что копированием рукописей наряду с профессиональными катибами и мастерами-каллиграфами занимались люди различных профессий, лица различного уровня грамотности и культуры, не могло не отражаться, конечно, на качестве дошедшего до нас рукописного наследия. Проходя через руки переписчиков, особенно непрофессионалов, которых, несомненно, было большинство, тексты претерпевали большие изменения, зачастую в сторону их искажения. Это обстоятельство хорошо понимали сами мусульманские ученые и литераторы. Некоторые из них прямо называют переписчиков «искажителями (*муссах*) книг» [Крачковский, 1957, с. 614], а другие, сравнивая калам переписчика с «киркой, разрушающей здание просвещения», жалуются на то, как «он то одной точкой превращает „любовь“ (*мехбет*) в „мучение“ (*мехнет*), то, изменив одну букву, заставляет читать слово „благо“ (*немет*) как „бедствие“ (*немет*)» [Алиев, 1970, с. 7—8].

Изменения, вносимые переписчиками в текст рукописей, можно разделить на два вида. Первый вид — это технические ошибки и описки, которые неизбежны при переписке больших текстов. Они сводятся в основном к следующему: пропуск слов или, наоборот, добавление слова, пропуск строк или, напротив, повтор и т. д. При этом встречается опущение или добавление букв внутри слова, что нередко приводило к изменению его смысла или даже искажению текста, особенно поэтического произведения. Сильному искажению со стороны переписчиков подвергались, конечно, непонятные им иностранные слова, титулатура, собственные имена и топографические названия. Поэтому в различных с точки зрения хронологического и географического происхождения списках одного и того же сочинения мы встречаем крайне разнообразные чтения одних и тех же собственных имен, топографических названий и т. п. В этой связи небезынтересно привести здесь следующее высказывание Абу-л-Гази (1603—1664). «Называемые катибами люди, — пишет он, — нерадивы и неразумны. Переписывая эту книгу ¹ (а со времени ее написания минуло триста семьдесят

¹ Речь идет о «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.

два года, в течение которых, видит бог, было составлено двадцать или тридцать списков), они каждый раз искажали столько слов, что в конце концов в летописи искаженной предстает треть, возможно, даже половина текста. Ведь упоминаемые в сочинении [Рашид ад-Дина] названия гор, рек, местностей и имена людей — монгольские или тюркские, а автор той книги и писцы, переписывавшие ее, — все были либо персы, либо таджики, не знавшие ни монгольского, ни тюркского языка. Если таджика учить произносить монгольские имена даже дней десять, он все равно языка этого не освоит; как же он их запишет [правильно]?» [Histoire, 1871, с. 36].

Переписчики часто искажали также *тарихи* — хронограммы [см.: Материалы, 1969, с. 480, 481, 483] и вообще даты, которые обычно пишутся в тексте прописью. В тех случаях, когда рукопись дошла до нас в единственном списке, дата, появившаяся в результате описки переписчика, нередко приводит к разного рода недоразумениям и ее исправление требует специального исследования [Стори, 1972, ч. 2, № 922].

Замеченные технические ошибки и описки исправлялись либо в ходе переписывания, либо после сверки и уточнения текста с протографом. Специально разработанного единого стандарта корректурных знаков не было. Чаще всего неверно написанное слово переписчики просто вычеркивали в основном тексте, а на полях или — в редких случаях — над вычеркнутым словом писали слово в правильной форме. На поля рукописи выносились также пропущенные в основном тексте слова, фразы, стихи и т. п. Места пропусков часто отмечались при этом «галочкой»; знак этот иногда повторялся на поле против слова или строк-вставок. Вставки на полях бывают значительными по объему и иногда составляют целый рассказ [Ходжа Самандар, 1971, с. 15, 58].

Другой вид изменений, вносимых переписчиками в текст рукописей, составляют сознательные изменения-переделки. Результатом такой деятельности переписчиков являются, с одной стороны, сокращение или пропуск отдельных частей и даже глав сочинения, с другой — дополнение его интерполяциями и пояснениями. Маргиналии, как и вставки, отмечаются различными знаками. Есть рукописи, где, например, приписки на полях «снабжены в конце цифрой 12 (12), играющей роль как бы подписи» переписчика [Тарих-и Бадахшан, 1959, с. 31, 49, 64, 71 и др.].

Комментарий переписчиков обычно идет по двум линиям:

- 1) поясняются топонимы и собственные имена; 2) разъясняются непонятные, с точки зрения переписчика, места, в связи с чем

492 иногда в текст вводятся довольно обширные рассуждения раз-

ного плана [Смирнова, 1970, с. 158, 165]. Нередко переписчики вносят изменения в язык оригинала, приближая его к нормам своего времени. Иногда переписчики меняют авторский текст весьма существенно, добавляя в него целые разделы или дописывая оригинал. Так, в одной из рукописей Британского музея переписчик Мухаммад б. Хамза, современник Рашид ад-Дина, вставляет в конец первого тома «Джами ат-таварих», в интересах читателей, перед которыми будет только этот том, рассказ о вступлении на престол Улджайту-хана и при этом выражает надежду, что «автор на него за это не посетует» [Бартольд, 1973 (VI), с. 300].

Творческий подход переписчика к авторскому тексту, по видимому, не возбранялся, и подобные перечисленным выше сознательные переделки текста копируемой рукописи были своего рода нормой тогдашней книжной культуры. Показательно в этом отношении, что вольность, которую позволил себе переписчик «Сборника летописей», став известной Рашид ад-Дину, не вызвала у автора возражений.

Если, таким образом, сохранение рукописного наследия было обеспечено благодаря исключительно деятельности средневековых переписчиков, то им мы обязаны и засорением авторского текста пояснениями и интерполяциями, добавлениями и переработками разного рода. Как видно из приведенного выше примера, засорение текста могло начаться еще при жизни автора и продолжалось едва ли не при каждом новом копировании рукописи. Естественно, что, чем популярнее было произведение, тем чаще оно переписывалось, и потому наиболее засоренными оказываются тексты именно тех сочинений, которые имели наибольший успех у читателей. Одним из таких сочинений является, кстати, «Бадаи ал-вакаи» Зайн ад-Дина Васифи. По авторитетному утверждению А. Н. Болдырева, исследователя творчества Васифи, несмотря на большое количество списков этого сочинения, «достаточно авторитетного экземпляра, могущего лечь в основу критического издания, все же не имеется» [Болдырев, 1940, с. 211; Болдырев, 1957, с. 96—97].

То же можно утверждать применительно и ко многим другим произведениям средневековых мусульманских авторов. Во всяком случае, рукописей, тексты которых испорчены недобросовестностью и низкой квалификацией переписчиков, больше, чем рукописей, копированных образованными и усердными писцами.

Часть рукописных книг датирована. При этом переписчики указывают месяц и год, иногда число начала и окончания переписки, но обычно только окончания; часто указывается только год. Время дается в двух системах: или арабскими числитель-

ными прописью, или по двенадцатилетнему животному циклу, а иногда и так и так. Число и месяц пишутся, как правило, по-арабски прописью. Дата цифрами в мусульманских рукописях вообще представляет собой довольно редкое явление.

Из обычно приводимых в колофонах переписчиков сведений — имя переписчика, дата переписки и т. д. — реже всего указывается место переписки рукописи. При этом, как правило, сообщается только название города или местности; точное указание места переписки (вроде, например, «переписано в мадраса Абдаллах-хана» в Бухаре [Миклухо-Маклай, 1975, № 219]) встречается исключительно редко. В тех многочисленных случаях, когда место переписки вообще отсутствует в рукописи, его определение обычно производится по ряду косвенных данных самого различного характера. Это прежде всего внешние, палеографические признаки рукописи: бумага, чернила, почерк, переплет, оформление и т. д. Иногда место переписки удается определить по упоминанию отдельными переписчиками, например, имен современных им государей или знатных лиц, под властью которых они находились [Миклухо-Маклай, 1975, с. 9]. Для определения места переписки рукописи используются также присущие переписчикам отдельных регионов особенности. Так, например, известно, что среднеазиатские переписчики книг выражение «окончена книга» обычно писали в полной форме — *таммат ал-китаб* вместо усеченной — *тамм ал-китаб* [Бартольд, 1973 (V), с. 256].

Как видно, определение места переписки рукописи, а равно и времени переписки по косвенным данным — дело нелегкое, и оно под силу лишь опытным, высококвалифицированным источниковедам.

Большая часть рукописных книг переписана в том же регионе, где они были составлены. Показательна в этом отношении судьба таких известных сочинений, как «Бадаи ал-вакаи» Васифи и «Тарих-и Муким-хани» Мухаммеда-Йусуфа Мунши, написанных в Средней Азии: все ныне известные списки этих трудов — а списков большое количество — представлены только среднеазиатскими рукописями. Из небогословской литературы наибольшее межрегиональное распространение имели произведения популярных на мусульманском Востоке поэтов и историков. Здесь следует, однако, заметить, что наличие в составе рукописных коллекций одного какого-либо региона книг, составленных в других районах, не всегда связано именно с популярностью произведения. Пути распространения книг были многообразны, и перемещению рукописей из одного района в другой нередко способствовали такие, не связанные

например, военные походы, сопровождавшиеся вывозом военной добычи, в составе которой были и рукописи [Бабур-наме, 1958, с. 302; Миклухо-Маклай, 1975, с. 12]. Иногда распространению своих произведений способствовали сами авторы. Выше уже упоминалось о кашгарском историке Хаджжи Йусуфе. Он сам снял со своего сочинения «Джам ат-таварих» несколько копий, одну из которых отдал некоему дамулле Шами, другую — одному хотанскому баю, а третью отправил в селение Пскент Андижанского вилайета, на родину Йакуб-бека, истории правления которого посвящен труд [Хаджжи Йусуф, л. 352а]. Примеры, подобные приведенным, мы находим и в «Бабур-наме». Так, при описании событий 925/1519 г. Бабур пишет: «Старший брат Хафиза осведомителя прибыл из Самарканда. Теперь я разрешил ему вернуться в Самарканд и послал с ним Пулад Султану свой диван. . .» [Бабур-наме, 1958, с. 276]. В другом месте Бабур сообщает о том, что он по просьбе Ходжа-и Калана «приказал переписать „Записки“ и послал список с Шахракбеком» [Бабур-наме, 1958, с. 413].

Перемещению рукописей из одного региона в другой в известной мере способствовали также обмен подарками, приобретение книг путем покупки и т. д. Так, например, к подаркам, посланным бухарским ханом Абдулазизом иранскому шаху Сулейману (1667—1694), которые состояли из драгоценностей, различных тканей, скакунов, соколов, кречетов и верблюдов, был присоединен и Диван Хафиза, переписанный бухарским каллиграфом Хаджжи Йадгаром. Когда подарки прибыли в Иран, шах Сулейман, «не обратив никакого внимания (на все прочие подарки), взял книгу и сказал: „Сегодня хан подарил мне в сокровищнице этого переплета все дары земного шара!“» [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 110]. Согласно сообщению Саланики, посол бухарского хана Абдаллаха, прибывший в Стамбул в январе 1594 г., передал в качестве подарка турецкому султану наряду с другими дарами два экземпляра Корана, томик «Хамса» Низами и «Шах-наме» [Тарих-и Саланики, л. 163б—164а]. На одном из списков «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди, датируемом XVII в., имеется приписка, гласящая, что эта книга принадлежит Мавлана Назар Мухаммаду из Ферганы и что она куплена в Кашмире [Тагирджанов, 1962, № 67]. Здесь будет уместно отметить, что покупка рукописей наряду с заказом являлась для состоятельных людей одной из распространенных форм приобретения книг вообще.

Сколько стоила рукописная книга? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Среди покупных рукописей были и необычайно дорогие, уникальные, и рядовые книги. Да и цены 495

на последние в зависимости от вкусов и интересов покупателей были различны. В своем сочинении «Бихруз ва Бахрам» Бинаи пишет, что у него была рукопись «Маджмуа-йи Рашиди», переписанная хорошим почерком. Бабур услышал об этом и решил купить ее. Бинаи не возражал. Позвали нескольких переплетчиков², и они установили цену книги — 5 тыс. дирхемов. Бабур выплатил Бинаи установленную сумму [Мирзоев, 1976, с. 81—83]. Это событие имело место в Самарканде весной 1498 г. Приблизительно в те же годы, а именно в 910/1504-05 г., один из списков «Тарих-и гузида» Хамдаллаха Казвини, изготовленный по заказу знатного лица, был приобретен за сумму в одну тысячу динаров, «утвержденную в пятьдесят пять тангача, находящихся в обращении» [Смирнова, 1980, с. 242—243]. Для сравнения укажем, что в том же государстве Тимуридов стоимость взрослого раба-немусульманина составляла около 200 танга [Болдырев, 1947, с. 324].

Колебание цен на рукописи рядового исполнения мы наблюдаем и в XIX в. Так, согласно приписке, рукопись тюркского перевода «Тарих-и Рашиди», переписанная в Восточном Туркестане, была куплена ее владельцем в 1266/1849-50 г. «за 30 танга» [Дмитриева и др., 1965, № 93]. Между тем один из списков «Бадаи ал-вакаи» Васифи, копированный в 1265/1848-49 г. «неплохим насталиком на бумаге кокандского производства», оценивался в 65 танга [Каталог, 1960, № 165]. Размеры и объем обеих этих книг приблизительно равны.

Во всех приведенных примерах (а их число можно легко увеличить) речь идет, как это видно, о продажной цене рукописи. Продажная цена зависит от многих обстоятельств, потому относительна и субъективна. Абсолютную цену рукописной книги выражает, конечно, ее себестоимость, которая складывается, как известно, из стоимости материала (бумага, чернила, краски, картон, кожа и т. д.) и оплаты труда переписчика и переплетчика, а если это лицевая рукопись, то еще и художника-миниатюриста. Таким образом, стоимость рукописной книги зависела не только от качества материала, но еще в большей мере от степени известности и мастерства переписчика и переплетчика, а если это лицевая рукопись, то и художника-миниатюриста. При таких условиях колебания в ценах на отдельные рукописи бывали весьма значительными. Исследование по определению стоимости лицевых рукописей, как и средней стоимости рукописной книги рядового исполнения, несомненно, представляло бы значительный интерес.

² Так у А. М. Мирзоева; в тексте -- слово *saxxaff*, которое можно понимать и как «торговец книгами».

Но рассмотрение этого вопроса может составить задачу самостоятельной работы. Впрочем, это утверждение в равной мере относится и ко многим другим затронутым в настоящей работе вопросам. Изучение арабографичной рукописной книги как части истории культуры мусульманских народов в широких масштабах началось лишь в последнее десятилетие, и нерешенных, даже непоставленных вопросов, связанных с этой темой, достаточно много. Одним из них является, в частности, вопрос о читателях рукописей и их отношении к книге.

Не входя в подробности этой проблемы, отметим лишь, что читательская аудитория была социально разнородной, о чем можно судить по составу заказчиков рукописей и их владельцев, в числе которых значатся царственные особы, члены ханского рода, сановники, представители духовенства, мелкие чиновники, торговцы тканями и т. д. [Миклухо-Маклай, 1961, № 119, 131, 140 и др.; Миклухо-Маклай, 1975, № 233, 413, 444 и др.; Каталог, 1960, № 18, 20, 26, 32 и др.; Шах-Махмуд, 1976, с. 141—142]. Об этом же свидетельствуют как будто и жалобы переводчиков исторических произведений, которые подчас сетуют на низкий уровень развития читателей [Султанов, 1978, с. 148]. Под читателями с низким уровнем развития здесь, очевидно, подразумеваются люди среднего и низшего сословий.

Говоря о читательской аудитории, следует также учитывать, что самостоятельное, индивидуальное чтение было не единственной формой знакомства с книгой. В средневековом мусульманском обществе, где неграмотные встречались не только среди людей среднего сословия, но и среди эмиров и даже членов царствующего дома [Бабур-наме, 1958, с. 24, 29], важное место занимало восприятие литературного произведения на слух. Последнее являлось для того времени общественной необходимостью, вызванной к жизни недостаточным развитием грамотности, малодоступностью дорогостоящих рукописных книг и т. д. Книги часто читались вслух в семейном, дружеском и ином кругу. Так, например, у семиреченских таранчей существовал вот какой обычай. Вечерами собирались человек двадцать-тридцать мужчин; при этом старшие по возрасту составляли одну группу, а молодежь — другую. На таком собрании, которое называлось *машраб*, читалась вслух какая-либо книга, например «Кисас ал-анбийа» Рабгузи, «Тазкират ал-авлийа» Аттара, «Нафахат ал-унс» Джами, «Рашахат» Хусайна б. Али Ваиза Кашифи Харави, «Шах-наме» Фирдоуси и др. Большим успехом на таранчинских «литературно-музыкально-вокальных вечерах» пользовались также произведения Ахмада Йасави, Сулеймана Бакиргани, Шайх Алла-Йара и др. Некоторые люди расходовали на устройство *машраба* «четыре- 497

пять рублей», а «богатые люди. . . двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят и сто рублей» [Пантусов, 1907, с. 10—12]. Из этого можно заключить, что машрабы устраивались не только богатыми, но и людьми с небольшим достатком; следовательно, был различен и состав участников машрабов.

Свои рукописи владельцы обычно отмечали экслибрисом, личной печатью или просто записью, что данная книга принадлежит такому-то лицу. Как полагает А. А. Семенов, экслибрис «ставился, кажется, только на книгах царской библиотеки» [Семенов, 1946, с. 173]. Экслибрисы обычно писались жидким золотом и помещались на первой странице, вверху, или в самом конце рукописи. Причем сначала указывалось название труда, а затем шла надпись: «из библиотеки такого-то» [Семенов, 1946, с. 173].

Встречающиеся на рукописях оттиски печатей имеют различную форму: квадратную, четырехугольную, шестиугольную, восьмиугольную, грушевидную, овальную, фигурную, продолговатую, четырехугольную и т. д. Большинство оттисков содержат имя владельца и дату изготовления печати. В ряде случаев мы находим довольно пространственные легенды. Так, на первом листе одной из рукописей тюркского перевода «Тарих-и Рашиди» есть оттиск ханской печати со следующей легендой: «Азиз ванг, милостью божьей будь вечным на шахском троне, год 125 (?) 2» (Тарих-и Рашиди, л. 1]. На листе 16 одного из списков «Раузат ас-сафа» Мирхонда имеются оттиски трех печатей. Легенда на одной из них гласит: «Так как стал достоин милости Аллаха льву подобный Али и (так как) он является светом очей Мухаммада, проси справедливости у него» [Каталог, 1960, № 27].

В приведенных легендах, как мы видим, в одном случае отражено общественное положение владельца рукописи, а в другом — приверженность владельца печати к шиитской религиозной доктрине. Здесь же отметим, что, в частности, общественную иерархию владельцев-читателей отражают не только сами легенды, но и формы печатей. Например, у бухарских эмиров печать была большая и круглая, а печати членов династии, правившей в Коканде в XVIII—XIX вв., имели овально-конусную форму с несколько загнутым верхом, «отдаленно напоминающим стилизованный цветок» [Шах-Махмуд, 1976, с. 141]. Важно здесь и то, что оттиски печатей на рукописях не только позволяют судить о составе читателей, но иногда вскрывают и судьбу рукописной книги. Так, в одной рукописи из собрания ИВ АН СССР (шифр С 153) на л. 3а имеются три оттиска одной и той же печати, а на следующих листах — 498 пять оттисков разных восточных печатей с плохо отпечатавши-

мися легендами [Дмитриева, 1980, № 267]. Из этого ясно, что данный сборник поэтических произведений Фузули, копированный «не ранее 1239/1823 г.» и в 1859 г. приобретенный П. И. Лерхом для Азиатского музея, в течение тридцати шести лет сменил не менее шести владельцев.

Отношение владельцев к рукописной книге было различным. Рассказывается, что Кифти однажды решил приобрести список большого труда ученого XII в. Самани; потом оказалось, что «невежественный владелец употребил рукопись на приготовление формы для выделки шляп» [Бартольд, 1973 (II), с. 425]. Примером варварского отношения к рукописи среднеазиатского владельца может служить судьба «Ахлак-и мухсини» Хусайна б. Али Ваиза Кашифи Харави, хранящейся ныне в Государственной Публичной библиотеке УзССР. «Этот прижизненный автору список, сделанный рукою знаменитого гератского каллиграфа Мир-Али в 907—1501/02 г., с превосходными, во всю страницу, двумя фронтисписами, исполненными золотом и красками, имел в тексте 23 миниатюры какого-то гератского мастера (может быть, самого Бехзада); по-видимому, в конце XVIII или в начале XIX в., при мангытах, эта великолепная рукопись попала в Бухару к какому-то ученому или, во всяком случае, интеллигентному человеку, на которого эпоха узкого фанатизма и торжества мертвящей шариатской догмы наложила глубокий след. Цени по традиции текст данного труда и его бесподобный почерк, этот „ревнитель веры“ не мог примириться с существованием в рукописи 23 миниатюр, изображавших живые существа, и потому поручил какому-то очень хорошему уборщику рукописей (*лавваху*) закрыть на всех миниатюрах такие изображения. Лаввах исполнил это, прикрыв все их щитами, картушами и экранами с прекрасно выполненной золотом и красками орнаментацией; остались видны лишь зонты, верха фронтонов зданий с тончайшей отделкой, кучевые китайские „облака счастья“, кокетливо плывущие по голубому небу, цветущие ветви деревьев, тянущиеся за пределы обведенного золотыми линиями текста, на широкие поля рукописи и т. п.» [Семенов, 1946, с. 170—171].

Показательно, что по большей части порча рукописных книг связана именно с шариатской догмой и приверженностью их владельцев к разному религиозному толку. Во всяком случае, рукопись, написанная и переписанная шиитом и содержащая благопожелательные формулы в адрес Алидов, почти всегда портилась ее владельцем-суннитом, который в одном случае вымарывал, а в другом — вычеркивал эти места и нередко вносил в текст свои поправки [Тагирджанов, 1962, № 33; Миклухо-Маклай, 1975, № 243]. Вот пример суннитской редак-

ции рукописи. Один из списков «Лубб ат-таварих», сочинения иранского историка XVI в. Мир Йахьи б. Абд ал-Латиф ал-Хусайни ас-Сайфи ал-Казвини, побывал в руках суннита, который раздел о 12 шиитских имамах заменил в списке разделом об асхабах пророка, а раздел о четырех первых халифах в тексте изложил в традиционно суннитском духе. По словам Н. Д. Миклухо-Маклая, описавшего эту рукопись, «в остальном тексте значительных расхождений с текстом вышеописанных рукописей не наблюдается» [Миклухо-Маклай, 1975, № 310]. Точно так же рукописи, в которых ярко проявлялась приверженность их авторов, переписчиков или владельцев к суннитскому толку, попадая в руки шиита, подвергались шиитской редактуре: вычеркивались благопожелательные формулы, идущие после имен первых трех халифов, делались приписки, содержащие критику отдельных мест сочинения с шиитских позиций, и т. п. [Миклухо-Маклай, 1975, № 226, 315; Тарих-и Систан, 1974, с. 19]. Любопытный пример шиитской редактury содержит рукопись, хранящаяся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ. Один из списков «Мантик ат-тайр» Фарид ад-Дина Аттара был переписан в Иране в 1255/1839-40 г. неким Аскар-ом б. Хусайном Урдубади. Переписчиком опущены главы о трех халифах, имена Абу Бакр и Умар перевернуты, в главе, где Аттар осуждает враждебное отношение к Абу Бакру и Умару, переписчик заменил слова «эти два вождя» (*ин ду муктада*) выражением «эти две свиньи» (*ин ду хукха*) [Тагирджанов, 1982, с. 152].

Случаи порчи текста рукописей на религиозной почве, подобные описанному, особенно участились в Средней Азии после XV в. Как известно, в начале XVI в. произошел разрыв политических связей Средней Азии с Ираном. Борьба между династией Шибанидов и Сефевидов усугублялась к тому же идейным расколом, связанным с принятием шиизма в качестве официальной религии в Иране, в то время как Средняя Азия оставалась суннитской страной [Петрушевский, 1966, с. 350—376]. Эта борьба привела к фактическому разрыву вековых экономических и культурных связей Ирана и Средней Азии. Размежевание должно было закономерно найти свое выражение и в области литературы, что не могло не сказаться, в свою очередь, на отношении к текстам рукописных книг. Если прежде араб-графические рукописные книги рассматривались как общее достояние мусульман всех толков, то теперь на судьбе книги стала отражаться приверженность ее автора, переписчика и владельца к одному из этих враждебных друг другу направлений ислама. Наиболее фанатичные из «ревнителей веры» не оста-
500 навливались отныне даже перед порчей текста рукописей, вы-

марывая и вычеркивая неугодные им формулы благопожеланий, дополняя и дописывая сочинение с определенных религиозных позиций.

К счастью, число арабографичных рукописных произведений, тексты которых подвергались подобной порче, не так уж велико. В целом же отношение владельцев и читателей к рукописной книге было бережным, даже почтительным. Об этом красноречиво свидетельствует большое число дошедших до нас арабографичных рукописных произведений, среди которых, кстати, немало старейших списков, отдаленных от времени их создания многими столетиями; об этом можно судить также по тому, что многие рукописи заботливо реставрированы их владельцами.

Тема «Рукописная книга народов Средней Азии и Восточного Туркестана» достаточно сложна и многопланова, и, чтобы охватить ее в полном объеме, требуется еще целый ряд исследований. В настоящем очерке автор его имел в виду только наметить некоторые линии будущих исследований.

- Азимджанова, 1954. — А з и м д ж а н о в а С. А. Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук УзССР и их изучение. — Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
- Акимушкин, Иванов, 1968. — А к и м у ш к и н О. Ф., И в а н о в А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. — НАА. 1968, № 1.
- Алиев, 1970. — А л и е в Р. Воля исследователя и проблема метода составления критического текста. — ППВ-68. 1970.
- Ахмедов, 1979. — А х м е д о в Б. А. Некоторые итоги изучения письменных источников по истории Средней Азии XVI—XVIII вв. в Узбекистане. — Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Всесоюзная научная сессия. 9—10 октября 1979 г. Кутаиси. Тезисы докладов. Тб., 1979.
- Ашрафи, 1974. — А ш р а ф и М. М. Бухарская школа миниатюрной живописи (40—70-е годы XVI века). Душ., 1974.
- Ашрафи, 1975. — А ш р а ф и М. М. О творчестве бухарского художника XVI в. Махмуда Музаххиба. — НАА. 1975, № 4.
- Бабур-наме, 1958. — Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.
- Бартольд, 1963. — Б а р т о л ь д В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1966 (I). — Б а р т о л ь д В. В. Культура мусульманства. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Бартольд, 1966 (II). — Б а р т о л ь д В. В. Мусульманский мир. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Бартольд, 1966 (III). — Б а р т о л ь д В. В. [Рец. на:] Христианский Восток. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Бартольд, 1973 (I). — Б а р т о л ь д В. В. Мулхакат ас-сурах. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Бартольд, 1973 (II). — Б а р т о л ь д В. В. Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Бартольд, 1973 (III). — Б а р т о л ь д В. В. Об одном уйгурском документе. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.

- Бартольд, 1973 (IV). — Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Бартольд, 1973 (V). — Бартольд В. В. [Рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VIII, вып. IX. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Бартольд, 1973 (VI). — Бартольд В. В. [Рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-din. Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Бартольд, 1973 (VII). — Бартольд В. В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. — Сочинения. Т. 8. М., 1973.
- Болдырев, 1940. — Болдырев А. Н. Мемуары Зайн ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 2. Л., 1940.
- Болдырев, 1947. — Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 4. Л., 1947.
- Болдырев, 1957. — Болдырев А. Н. Рукопись «Удивительных событий» (мемуаров таджикского писателя XVI в. Васифи) в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2 (5). Восточный сборник. Л., 1957.
- Булатов, Долинская, 1972. — Булатов М. С., Долинская В. Г. Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV—XVI вв. — Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Таш., 1972.
- Григорьев, 1940. — Григорьев Г. В. Кустарное производство бумаги в Узбекистане. — СЭ. 1940, № 3.
- Дмитриева и др., 1965. — Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей ИВ АН СССР. Вып. 1. История. М., 1965.
- Дмитриева, 1980. — Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980.
- Зотов, 1954. — Зотов П. Д. К истории бумажного производства на Востоке. — Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
- Иванов, 1977. — Иванов А. А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. (Статья I). — Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
- Иванов, 1978. — Иванов А. А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. II. — Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.
- Каталог, 1960. — Каталог восточных рукописей АН ТаджССР. Т. 1. Сталинабад, 1960.
- Костыгова, 1954. — Костыгова Г. И. Жизнь и творчество таджикского каллиграфа-художника Султан-Али Мешхеда (1432—1520). Автореф. канд. дис., Л., 1954.
- Костыгова, 1957. — Костыгова Г. И. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда. — Восточный сборник. Л., 1957 [Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2 (5)].
- Крачковский, 1957. — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
- Материалы, 1969. — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.

- Мелиоранский, 1906. — М е л и о р а н с к и й П. Документ уйгурского письма Султана Омар-шейха. — ЗВОРАО. Т. 16, 1906.
- Миклухо-Маклай, 1961. — М и к л у х о - М а к л а й Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961.
- Миклухо-Маклай, 1975. — М и к л у х о - М а к л а й Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.
- Мирзоев, 1976. — М и р з о е в А. М. Камал ад-Дин Бинаи. М., 1976.
- Мукминова, 1964. — М у к м и н о в а Р. Г. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в. — История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Таш., 1964.
- Муродов, 1971. — М у р о д о в А. Ўрта Осиё хаттотлик санъати тарихидан. Тошкент, 1971.
- Мухаммед Юсуф Мунши, 1956. — М у х а м м е д Ю с у ф М у н ш и. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указатели проф. А. А. Семенова. Таш., 1956.
- Образцы, 1963. — Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV—XIX вв. М., 1963.
- Пантусов, 1907. — П а н т у с о в Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 9. Казань, 1907.
- Петрушевский, 1966. — П е т р у ш е в с к и й И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (Курс лекций). Изд. ЛГУ, 1966.
- Пугаченкова, 1979. — П у г а ч е н к о в а Г., Г а л е р к и н а О. Миниатюры Средней Азии (из советских и зарубежных собраний). М., 1979.
- Салахетдинова, 1964. — С а л а х е т д и н о в а М. А. Сведения по математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в. — Страны и народы Востока. Вып. 3. М., 1964.
- Семенов, 1927. — С е м е н о в А. А. К вопросу, кто был автором *Тарихи Саййид Рахим*. — В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
- Семенов, 1940. — С е м е н о в А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. — Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. Таш., 1940.
- Семенов, 1946. — С е м е н о в А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы. — Алишер Навои. Сборник статей. М.—Л., 1946.
- Семенов, 1951. — С е м е н о в А. А. Рецепты оформления старинных восточных рукописей. — Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. 29. Сталинабад, 1951.
- Смирнова, 1970. — С м и р н о в а О. И. Некоторые вопросы критики текста («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Шах-наме» Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи). — ППВ-68. 1970.
- Смирнова, 1980. — С м и р н о в а О. И. Из биографии рукописи «Та'рих-и гузида» собрания ЛО ИВ АН СССР. — Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
- Собрание, 1951—1975. — Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 1—40. Таш., 1951—1975.
- Стори, 1972. — С т о р и Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. М., 1972.
- Султанов, 1978. — С у л т а н о в Т. И. Некоторые вопросы тюркской средневековой переводной исторической литературы. — ТС-76. 1978.
- Сухарева, 1962. — С у х а р е в а О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX в. Ремесленная промышленность. Таш., 1962. 503

- Тагирджанов, 1962. — Та г и р д ж а н о в А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. 1. История, биография, география. Изд. ЛГУ, 1962.
- Тагирджанов, 1982. — Та г и р д ж а н о в А. Т. Рукописи поэм Аттара в собрании библиотеки Восточного факультета ЛГУ. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI го-
дичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по ира-
нистике). Ч. 2. М., 1982.
- Тарих-и Бадахшан, 1959. — Тарих-и Бадахшан. «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указа-
тели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев. Изд. ЛГУ, 1959.
- Тарих-и Рашиди. — Тарих-и Рашиди тарджамаси, рук. ИВ АН СССР D 120.
- Тарих-и Саланики. — Тарих-и Саланики Мустафа-афанди, рук. ИВ АН СССР С 565.
- Тарих-и Систан, 1974. — Тарих-и Систан («История Систана»). Пер.,
введение и коммент. Л. П. Смирновой. М., 1974.
- Хаджжи Йусуф. — Х а д ж ж и Й у с у ф. Джама' ат-таварих, рук.
ИВ АН СССР D 124.
- Ходжа Самандар, 1971. — Х о д ж а С а м а н д а р Т е р м е з и. Да-
стур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей ру-
кописи, пер. с пер., предисл., примеч. и указатели М. А. Салахетди-
новой. М., 1971.
- Чабров, 1964. — Ч а б р о в Г. Н. К изучению среднеазиатского книж-
ного переплета. — НАА. 1964, № 2.
- Шараф-хан, 1976. — Ш а р а ф - х а н и б н Ш а м с а д д и н Б и д-
лиси. Шараф-наме. Т. 2. Пер., предисл., примеч. и прилож.
Е. И. Васильевой. М., 1976.
- Шах-Махмуд, 1976. — Ш а х - М а х м у д и б н м и р з а Ф а з и л
Ч у р а с. Хроника. Критич. текст, пер., коммент., исследование и
указатели О. Ф. Акимускина. М., 1976.
- The Arts, 1979. — The Arts of the Book in Central Asia. L., 1979.
- Histoire, 1871. — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi
Béhâdour Khan. Publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons.
T. 1. Texte. St.-Pbg., 1871.
- İnan, 1976. — İ n a n A b d ü l k a d i r. Çağatay edebiatı. — Türk dü-
nyası el kitabı. Türk kültürünü araştırma Enstitüsü yayınları: 45,
Seri 1, Sayı A 5. Ankara, 1976.
- Köprülü, 1945. — K ö p r ü l ü M. F u a d. Çağatay edebiyatı. — İslâm
ansiklopedisi. Cilt 3, cüz 24. İstanbul, 1945.
- Kurat, 1940. — K u r a t A k d e s N i m e t. Topkapı Sarayı Müzesi
arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bi-
tikler. İstanbul, 1940.
- Sertkaya, 1977. — S e r t k a y a O s m a n F. İslâmi devrenin uygur
harfli eserlerine toplu bir bakış. Bochum, 1977.
- Ünver, 1962. — Ü n v e r A. S ü h e y l. XV-inci yüzyılda Türkiye'de
kullanılan kâğıtlar ve su damgalar. — Belleten. Cilt 26. Sayı 104.
Ankara, 1962.